© 2023. Белинская Е. П., Авазматова Ф. Х.

Check for updates

СИБ СКРИПТ

2023 Том 25 № 5

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями

Белинская Елена Павловна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва
http://orcid.org/0000-0002-3057-5273
Scopus Author ID: 57221043995
elena_belinskaya@list.ru

Авазматова Фарангис Хуршид кизи
Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Ташкенте, Республика Узбекистан, Ташкент
https://orcid.org/0009-0004-2504-2685

Поступила в редакцию 28.06.2023. Принята после рецензирования 20.09.2023. Принята в печать 25.09.2023.

Аннотация: Рассмотрена проблема субъективного переживания трудной жизненной ситуации во взаимосвязи с гендерными ауто-стереотипами у девушек и женщин, имеющих различную степень выраженности мизогинных установок. На первом этапе эмпирического исследования использовались количественные методы: шкальные опросники, направленные на выявление особенностей стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, характеристик самоотношения, степени выраженности мизогинных установок; на втором – качественные: анализ свободных ассоциаций для определения структуры представлений о жизненных трудностях, типичных для женщин и мужчин; тематический анализ результатов фокус-группового исследования о предпочитаемых стратегиях совладания. Выборка исследования – 312 респонденток 18–45 лет, жительницы г. Ташкент. Результаты свидетельствуют о взаимосвязи между параметрами самоотношения и выраженностью мизогинных установок: чем выше уровень уверенности в себе, самопринятия, саморуководства и открытости в коммуникации, тем в меньшей степени проявляются ощущения своей социальной уязвимости, личностной неполноценности и чувства опасности в ряде жизненных ситуаций; чем выше уровень внутренней конфликтности представлений о себе и склонности к самообвинению, тем более выражены мизогинные установки. Ведущей характеристикой трудной жизненной ситуации остается ее связанность с полоролевой принадлежностью. Структура представлений о типичных трудных ситуациях для женщин оказалась внутренне противоречивой: на уровне ядра доминировали ассоциации о сексуальном и физическом насилии, преимущественно в семье, а на уровне периферии – о характере межличностных отношений в семейной системе. Тематический анализ результатов фокус-групп показал, что возможность использования респондентками различных копинг-стратегий в трудных ситуациях зависит от ограничений, обусловленных мизогинными установками. Сделан вывод о неоднозначной связи выраженности мизогинии как гендерного ауто-стереотипа с особенностями стратегий совладания с трудностями.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, трудная жизненная ситуация, стратегии совладания, мизогиния, самоотношение, структура представлений

Цитирование: Белинская Е. П., Авазматова Ф. Х. Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 635–644. https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Gender Stereotypes and Coping with Adversities

Elena P. Belinskaya
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow
http://orcid.org/0000-0002-3057-5273
Scopus Author ID: 57221043995
elena_belinskaya@list.ru

Farangis Kh. Avazmatova
Lomonosov Moscow State University in Tashkent Branch, Republic of Uzbekistan, Tashkent
https://orcid.org/0009-0004-2504-2685

Received 26 Jun 2023. Accepted after peer review 20 Sep 2023. Accepted for publication 25 Sep 2023.

Abstract: Women's subjective experience of life hardships may be connected with gender self-concept and misogynistic attitudes. This empirical study of external and internal misogyny as a gender stereotype consisted of two stages. The first stage relied on such quantitative methods as scale questionnaires to identify the coping strategies,

self-attitudes, and misogynistic ideas. The second stage used two qualitative methods: the free associations method helped to define the concept of adversity in men and women while the thematic analysis identified the default coping strategies in the focus group. The study involved 312 women aged 18–45 y.o. from Tashkent, Uzbekistan. The research revealed a relationship between some parameters of self-attitude and the severity of misogynistic attitudes. For example, prominent self-confidence, self-acceptance, self-guidance, and openness in communication accompanied low scores for social vulnerability, personal inferiority, and a sense of danger. Internal conflicts and self-blame corresponded with strong misogynous attitudes. In general, the gender role remained a prevailing characteristic of adversity. The adversity concept demonstrated an inner contradiction: the core concentrated on sexual and physical family violence while the periphery was more about interpersonal family relations. The thematic analysis showed that the choice of coping strategy depended on the limitations caused by misogynistic attitudes. However, the relationship between the misogynistic gender stereotyping and the choice of coping strategy proved to be ambiguous.
Keywords: gender stereotypes, difficult life situation, coping strategies, misogyny, self-attitude, structure of representations

Citation: Belinskaya E. P., Avazmatova F. Kh. Gender Stereotypes and Coping with Adversities. *SibScript*, 2023, 25(5): 635–644. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644

Введение

Традиционно при изучении феномена сексизма исследователи рассматривают его как проявление негативного либо враждебного отношения к представителям гендерных групп, т. е. как идеологию и практику дискриминации людей по признаку пола во всех областях человеческой деятельности [Бем 2004; Unger, Crawford 1993]. Однако эмпирические исследования и современная социальная практика показывают, что психологическое содержание сексистских установок отличается определенной противоречивостью. Так, сегодня предложен новый взгляд на сформировавшиеся «классические» исследования данного феномена, а именно идея об амбивалентности установок, которые могут формироваться по отношению к гендерным группам, о двух сторонах сексизма: наличии как враждебного, так и доброжелательного отношения в рамках одного и того же феномена [Glick et al. 2000; Viki et al. 2003].

Хотя в большинстве случаев сексистские установки рассматриваются как форма отношения к женщинам, примечательно, что при этом довольно редко упоминается такой феномен, как мизогиния (женоненавистничество), который во многом схож с проявлениями враждебного сексизма [Christopher, Mull 2006; Gilmore 2001], но отличается от него по некоторым характеристикам и скорее должен быть определен как отдельное масштабное явление, связанное не только с сексизмом, но и с целым рядом гендерных установок, что на уровне межгрупповых отношений как минимум приводит к переживаниям аутгрупповой дискриминации [Bailey 2021; Jane 2014; Johnson 2014; Wessinger 2020], а как максимум – существенно влияет на процессы социальной стратификации в целом [Bates 2021]. Данное явление может иметь различную степень выраженности и проявляться как через физическое насилие, так и через психологическое, а способы реализации подобного насилия различны – через финансовую зависимость, социальную изоляцию, объективацию, унижение человека по фактору половой принадлежности. Далеко не всегда мизогиния может быть заметной, явной или демонстративной: она вариативно реализуется на разных этапах социализации [Maccoby, Jacklin 1987]; в силу особенностей уклада того или иного общества может восприниматься как социальная норма и потому не быть «выпуклой» для социального восприятия [Glick et al. 2000]; мизогинный дискурс может быть активно представлен преимущественно в виртуальной коммуникации, как бы «уходя» из пространства реального социального взаимодействия [Jackson et al. 2020; Marwick, Caplan 2018; Zeinert et al. 2021].

Несмотря на уже достаточную укорененность самого термина в гендерной психологии, феномен мизогинии как разновидности гендерных установок до сих пор недостаточно представлен в прикладных исследованиях, что, на наш взгляд, связано с двумя обстоятельствами:

1. Если речь идет об эмпирической операционализации *внутренней* мизогинии, понимаемой как принятие и разделение самими женщинами мизогинных социальных установок [Manne 2019], то она, очевидно, не может быть рассмотрена в отрыве от психологических защит личности, которые в силу своей неосознаваемости ставят под сомнение любые эмпирические данные.

2. Сложности изучения *внешней* мизогинии связаны с социально-оценочной нагруженностью поставленной задачи, решение которой может быть блокировано доминирующими в том или ином обществе идеологическими установками и прямыми правовыми предписаниями.

Понимая эти ограничения, мы ставили перед собой задачу исследования представлений женщин о феномене мизогинии, что включало в себя, с одной стороны, прояснение вопросов социально дозволенного

и недозволенного, определенного ряда ограничений, стандартов и требований, которые выдвигаются по отношению к женщинам окружающими (близким социальным кругом и обществом в целом), т. е. их восприятия внешней мизогинии, а с другой – изучение женского самоотношения в связи с полоролевой принадлежностью и возможных собственных мизогинных установок как внутренней мизогинии. При этом, как представляется, внутренняя мизогиния может быть тесно связана с трансляцией негативных установок по отношению к своей группе принадлежности, что имеет неоднозначное влияние на ощущение женщиной собственной значимости и ценности, ее самопринятие, уверенность в себе и самоотношение в целом в силу, например, давно отмеченного факта возможности получения субъективных, психологических выгод при социальном стигматизировании [Crocker, Major 1989].

Очевидно, что наиболее «выпукло» представления о внешней и внутренней мизогинии актуализируются в ситуациях, которые представляют какую-либо сложность и требуют совладания, что и обусловило выдвижение основных эмпирических *гипотез* исследования:

1. Использование респондентками копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях взаимосвязано с мизогинными установками (внутренней мизогинией).

2. Ведущей характеристикой трудной жизненной ситуации для респонденток является ее связанность с фактом их полоролевой принадлежности.

Методы и материалы

Эмпирическое исследование включало в себя два этапа. На первом использовались количественные методы: шкальные опросники, направленные на выявление особенностей стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, характеристик самоотношения, степени выраженности мизогинных установок. На втором – качественные методы: анализ свободных ассоциаций для определения структуры представлений о жизненных трудностях; тематический анализ результатов фокус-группового исследования.

Шкальные опросники:

- Опросник способов совладания (WC0) Р. Лазаруса и С. Фолкман [Крюкова, Куфтяк 2007];
- опросник «Методика исследования самоотношения» (МИС) С. Р. Пантилеева [Пантилеев 1993];
- авторский опросник, направленный на выявление уровня внутренней мизогинии, который включал в себя следующие шкалы: ощущение своей социальной уязвимости; чувство личностной неполноценности; ощущение собственной небезопасности; женская самооценка (в том числе отношение к собственной сексуальности) и приверженность традиционным гендерным стереотипам. Опросник был разработан на основе пилотажного этапа исследования, проведенного в 2022 г. на выборке в 200 респондентов, и показал свою достаточную конструктную валидность.

Качественные методы и методики:

- свободные ассоциации на три объекта: типичная трудная жизненная ситуация для мужчины; типичная трудная жизненная ситуация для женщины; ситуация, которая не представляет для меня трудности как женщины; полученные результаты в дальнейшем обрабатывались согласно методике П. Вержеса [по: Бовина 2007];
- фокус-группы, гайд которых был центрирован на характеристиках типичных трудных жизненных ситуаций, связанных с ними переживаний и представлений о себе, а также возможных способах их преодоления; полученные материалы обрабатывались с помощью тематического анализа.

Выборка: всего в исследовании приняли участие 312 респонденток в возрасте от 18 до 45 лет (медиана возраста = 28,4), постоянно проживающие в Ташкенте, русскоязычные, получающие / получившие высшее образование, представительницы различных этнических групп и религиозных конфессий. В рамках качественного этапа исследования было проведено 5 фокус-групп, общее количество участниц – 45 человек (медиана возраста = 22,1), рекрутированных из числа респонденток первого этапа исследования.

Результаты и обсуждение

Первый этап исследования

После проверки на нормальность распределения основных показателей для определения взаимосвязи особенностей самоотношения респонденток и выраженности мизогинных установок использовался коэффициент Спирмена.

Показатели по шкале открытости в самоотношении (напомним, что ее высокие значения характеризуют осознанную закрытость в коммуникации, нежелание выдавать значимую информацию о себе) обратно коррелируют с такими показателями опросника мизогинных установок, как ощущение социальной уязвимости ($r = -0{,}253$; $p \leq 0{,}000$), собственной неполноценности ($r = -0{,}194$; $p = 0{,}001$), небезопасности в связи с полом ($r = -0{,}257$; $p \leq 0{,}000$), а также с отношением к собственному телу и сексуальности ($r = -0{,}188$; $p = 0{,}001$).

Подобная связь наблюдается между показателями по шкалам самоуверенности и саморуководства и упомянутыми выше параметрами внутренней мизогинии: чем выше у респондентки уровень уверенности в себе и ощущения своей субъектности, тем ниже чувство

собственной неполноценности (r = –0,306; p ≤ 0,000), социальной уязвимости (r = –0,361; p ≤ 0,000) и небезопасности (r = –0,267; p ≤ 0,001), а отношение к собственному телу и сексуальности лучше (r = –0,357; p ≤ 0,000).

Показатели по шкале *зеркальное Я*, характеризующей представление субъекта о способности вызвать у других людей уважение и симпатию, обратно коррелируют с упомянутыми шкалами авторского опросника, но при этом прямо связаны с таким параметром внутренней мизогинии, как поддержание традиционных стереотипов о роли мужчины и женщины (r = 0,144; p = 0,001).

Показатели самоценности и самопринятия обратно коррелируют с такими компонентами внутренней мизогинии, как ощущение своей социальной уязвимости (r = –0,314; p ≤ 0,000), личностной неполноценности (r = –0,359; p = 0,001), небезопасности в связи с полом (r = –0,214; p = 0,001), с отношением к собственному телу и сексуальности (r = –0,321; p ≤ 0,000).

Показатели по шкале самопривязанности (высокие показатели по ней свидетельствуют о ригидности Я) обратно коррелируют с ощущением социальной уязвимости (r = –0,308; p ≤ 0,000), собственной неполноценности (r = –0,174; p = 0,002), небезопасности в связи с полом (p = –0,282; r ≤ 0,000), со шкалой отношения к собственному телу и сексуальности (r = –0,199; p ≤ 0,000). Вполне ожидаемо показатели самопривязанности прямо коррелируют со шкалой *поддержание традиционных стереотипов о роли мужчины и женщины* (r = 0,142; p = 0,001).

Показатели внутренней конфликтности и склонности к самообвинению в структуре самоотношения прямо коррелируют с уже отмечавшимися параметрами внутренней мизогинии: ощущением социальной уязвимости (r = 0,422; p ≤ 0,000), личностной неполноценности (r = 0,374; p ≤ 0,000), небезопасности в связи с полом (r = 0,326; p ≤ 0,000), отношением к собственному телу и сексуальности (r = 0,338; p ≤ 0,000), но при этом демонстрируют хоть и слабую, но прямую взаимосвязь со шкалой женской самооценки (r = 0,192; p ≤ 0,001), что лишний раз свидетельствует о внутренней конфликтности образа себя наших респонденток.

При определении взаимосвязей возможных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями и выраженности мизогинных установок также использовался критерий Спирмена. Предпочтение такой стратегии совладания с трудностями, как поиск социальной поддержки, имело слабую обратную связь с ощущением своей социальной уязвимости (r = –0,148; p = 0,009) и личностной неполноценности (r = –0,200; p ≤ 0,000), прямую – с приверженностью к поддержанию традиционных гендерных стереотипов (r = 0,151; p ≤ 0,007).

Предпочтение типично когнитивной стратегии копинга – планирования решения проблемы – имело прямую корреляцию со шкалой женской самооценки (r = 0,135; p ≤ 0,017) и обратную – с ощущением собственной небезопасности (r = –0,123; p = 0,030) и отношением к собственному телу и сексуальности (r = –0,143; p ≤ 0,000), что представляется вполне логичным. Неожиданной при этом является связь данной стратегии совладания со шкалой приверженности к традиционным гендерным стереотипам (r = 0,148; p ≤ 0,009). Интересно, что другие стратегии совладания, традиционно относимые к когнитивным (принятие ответственности и конфронтация), не имели никаких значимых корреляций ни с одним из показателей внутренней мизогинии.

Стратегия совладания путем положительной переоценки оказалась обратно связана с ощущением собственной небезопасности (r = –0,114; p = 0,045) и прямо – с приверженностью к поддержанию традиционных гендерных стереотипов (r = 0,215; p ≤ 0,000). Отметим, что такой эмоционально-ориентированный копинг, как стратегия самоконтроля, не имел корреляций ни с одним из параметров внутренней мизогинии.

Большая часть взаимосвязей особенностей совладания и мизогинных установок наблюдалась для тех стратегий, которые традиционно характеризуют уход от трудной жизненной ситуации. Так, приверженность респонденток к стратегиям избегания и дистанцирования была прямо взаимосвязана с ощущением своей социальной уязвимости (r = 0,309; p ≤ 0,000; r = 0,203; p ≤ 0,000 соответственно), личностной неполноценностью (r = 0,200; p ≤ 0,000; r = 0,176; p = 0,002), ощущением небезопасности (r = 0,288; p ≤ 0,000; r = 0,143; p ≤ 0,000). Стратегия дистанцирования имела прямую связь с приверженностью к традиционным гендерным стереотипам (r = 0,117; p ≤ 0,038).

Обсуждение результатов первого этапа исследования

Обобщая результаты первого, количественного, этапа исследования, который был посвящен проверке первой гипотезы, отметим следующее.

1. Слабая выраженность мизогинных установок связана с рядом особенностей женского самоотношения: уверенность и восприятие себя как активного субъекта собственной жизни, самопринятие и самоценность коррелируют с ощущением своей безопасности, социальной защищенности, чувством личностной значимости, позитивным отношением к своей телесности и сексуальным проявлениям, но сочетаются с осознанной закрытостью в коммуникации и осторожностью в передаче значимой информации о себе.

 https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644

2. Высокие показатели внутренней конфликтности Я и склонности к самообвинению связаны с выраженными мизогинными установками: ощущением своей социальной уязвимости, личной небезопасности и неполноценности, негативным отношением к своей телесности и сексуальности, что, судя по всему, отражает и внешний, социальный конфликт, характерный для современного Ташкента, в общественном пространстве которого активно противоборствуют традиционные и современные представления о гендерных ролях.

3. Высокая приверженность своему Я у респонденток, неготовность что-либо изменить в отношении к себе (самопривязанность) выполняют защитную функцию, повышая ощущение своей безопасности, социальной защищенности, личностной значимости, чему способствует склонность к поддержанию традиционных гендерных стереотипов; это сопровождается негативным отношением к собственному телу и сексуальности, становясь, видимо, основой для восприятия себя как способной вызвать у других людей симпатию и уважение (зеркальное Я).

4. Респондентки с выраженными мизогинными установками и соответственно ощущением своей социальной уязвимости, личностной неполноценности, небезопасности в социальных коммуникациях в трудных ситуациях предпочитают обращаться к стратегиям избегания и дистанцирования. Слабая же выраженность мизогинных установок противоречиво связана с выбором стратегий совладания: с одной стороны, она ведет к поиску социальной поддержки, планированию решения проблемы и положительной переоценке самой ситуации, а с другой – эти конструктивные стратегии копинга активизируют приверженность к традиционным гендерным стереотипам.

5. Обращают на себя внимание отсутствие взаимосвязей мизогинных установок и ряда когнитивно- и эмоционально-ориентированных стратегий совладания, а также в целом достаточно слабые корреляционные взаимозависимости вышеперечисленных показателей.

Результаты первого этапа исследования свидетельствуют лишь о частичном подтверждении первой гипотезы. Неоднозначность полученных данных может быть связана, на наш взгляд, с рядом обстоятельств. Во-первых, мизогинные установки могут быть неосознаваемыми в силу психологических защит [Бендас 2006; Малкина-Пых 2006]; во-вторых, они могут табуироваться как социальный феномен, оставаясь не проявляемыми открыто в социальном дискурсе и вместе с тем транслируемыми косвенно [Иллуз 2022]; в-третьих, связанность мизогинных установок с чувствами вины и / или стыда [Manne 2019] заставляет предположить их амбивалентное влияние на возможные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями. Немаловажным представляется и то, что разнообразие и гибкость репертуара копинг-стратегий в значительной степени определяются спецификой представлений о самой сложной жизненной ситуации [Folkman 1984; Крюкова 2008; Hobfoll 2001]. В связи с этим и в целях проверки второй гипотезы исследования было принято решение о дальнейшем сборе данных с помощью качественных методов.

Второй этап исследования

Массив свободных ассоциаций на 3 объекта (типичная трудная жизненная ситуация для мужчины; типичная трудная ситуация для женщины; жизненная ситуация, не представляющая для меня трудности как женщины) был обработан согласно прототипическому анализу П. Вержеса, который в современном варианте основан на возможности выделения 4-х основных зон социальных представлений: ядра, первой и второй периферий, зоны контрастирующих элементов [Бовина и др. 2022]. Это дало следующие результаты.

Представления женщин о типичной для мужчин трудной жизненной ситуации. В данном случае в ядре представлений доминировали ассоциации с ситуациями, в которых так или иначе фигурировали финансовые трудности (*потеря работы, нехватка денег, необходимость заработать на шикарную свадьбу*). В зону потенциальных изменений представлений (1-я и 2-я периферии) попали ситуации, связанные с социальными ожиданиями и ограничениями: требования к проявлению маскулинности (*ты мужик и все, должен соответствовать*); ситуации давления со стороны матери или близких родственников, сопровождающиеся чувством невозможности сепарации (*женитьба по выбору мамы, давление со стороны родственничков о женитьбе*), а также ассоциации, связанные с физическим здоровьем (*потеря здоровья*). Зона контрастирующих элементов содержала указания на сложности в самореализации и самопринятии, трудности в отношениях с женщинами, обобщающую ситуацию с негативными атрибуциями, начинавшуюся со слов *потому что мужчины… (часто дураки, не умеют нормально общаться, в душе гомосексуальны)*.

Представления женщин о типичной для них трудной жизненной ситуации. В ядре представлений женщин о типичной для них трудной жизненной ситуации доминировали ассоциации, в которых так или иначе фигурировали физическое насилие и сексуальные домогательства (*насилие со стороны партнера, муж бьет, вынужденное замужество без любви, пристают в транспорте*). В зону потенциальных изменений представлений попали ситуации, связанные с проблемами в отношениях в родительской семье и / или в семье мужа

(*плохие отношения в семье, тебя не любят, только терпят*), категория *потому что женщины...*, в которую, подобно обобщающей ситуации для мужчин, вошли ситуации, связанные с сексуальной ориентацией, личностными и / или коммуникативными качествами. Эта зона включала в себя ассоциации, связанные с социальными ожиданиями и ограничениями (*давление общества – негласные правила, что девочка не должна делать; ситуации, когда все время думаешь, что так нельзя, не принято*). Зона контрастирующих элементов содержала ассоциации с карьерой и самореализацией (*трудности в поиске работы, невозможность продолжать учиться*).

Представления женщин о ситуации, которая не представляет для нее проблемы. В ядре представлений респонденток о таких ситуациях доминировали ассоциации, в которых фигурировали финансы и карьера (*могу позволить себе не работать, могу не зарабатывать*). В зону потенциальных изменений вошли ассоциации, связанные с обращением за помощью (*могу не носить тяжести самостоятельно, попросить помощи*), представления об отношениях с мужчинами (*могу манипулировать мужчинами*), ситуации, прямо связанные с полом (*для меня не представляет трудности родить ребенка*). Эта же зона включала в себя ассоциации о личной ответственности в быту (*мне нетрудно следить за хозяйством, для меня не проблема готовить на всех*) и, что представляется нам важным, особом отношении к себе в силу половой принадлежности (*мне могут простить ошибки, потому что я женщина*). Зона контрастирующих элементов содержала ассоциации с межличностными отношениями на работе / учебе (*мне легче влиться в новый коллектив*).

Проведение **фокус-групп** дополнило феноменологическую картину типичных трудностей, которые рефлексируются респондентками. Отметим, что использование качественной методологии оправдало себя: многие участницы фокус-групп упоминали, что не всегда были откровенны при заполнении шкальных опросников на предыдущем этапе (*я не отвечала честно на все вопросы – вдруг кто-то узнает?*). Тематический анализ расшифровок аудиозаписей дал следующие результаты.

Доминирующей была тема объективного существования мизогинии как навязанного ощущения своей неполноценности и несамостоятельности: подавляющее большинство респонденток указывало на этот социальный факт, комментируя ситуациями из личного опыта: *я родилась девочкой, поэтому меня с самого детства сватают – иногда могу прийти с учебы и даже не знать, что дома ждут люди, которым меня будут показывать как невесту; моему брату оплатили обучение за границей, хотя он даже не хотел учиться, а мне нет – я девочка; будучи девушкой на математическом факультете, я постоянно сталкиваюсь с несправедливостью – если задание у меня получается хорошо, преподаватели думают, что помогал кто-то из юношей.*

Второй наиболее частотной темой была тема сексуальной дискриминации и физического насилия, которая вызывала сильные эмоциональные реакции, но иллюстрировалась воспоминаниями о *мелких*, по словам респонденток, происшествиях: *как-то раз ехала в автобусе, была прилично одета, а рядом со мной открыто мастурбировал взрослый мужчина – я отодвигалась, но он постоянно двигался за мной; незнакомые парни на улице начали громко кричать, что я выгляжу, как женщина легкого поведения – а ведь на мне была университетская форма, рубашка и брюки, ничего такого.* Все респондентки, рассказывавшие подобные случаи, так или иначе пытались себя оправдать: к историям об уличных домогательствах всегда добавлялись детали, описывающие *нормальную* одежду или не позднее, *приличное*, время суток, которые свидетельствовали бы, что *это была не моя вина.* Иными словами, признание возможной сексуальной агрессии со стороны мужчин и внутреннее сопротивление самообвинению, несмотря на тяжелые эмоциональные переживания, с этим связанные (*рассказывать о подобных вещах всегда тяжело: ты внутренне знаешь, что ты не виновата, но тебе всегда хочется уточнить – я была ребенком, я была одета прилично, я не нарывалась*), было достаточно типичным, что свидетельствовало о постоянном чувстве личной небезопасности. Участницы напрямую связывали возникновение этого переживания с местом своего проживания, акцентируя в случае наличия соответствующего опыта, что иное социокультурное окружение многое меняет: *когда я была в Европе, то совсем не боялась за себя; вернувшись из зарубежной командировки, я долго привыкала к тому, что надо всегда быть начеку.*

Некоторые из историй оценивались участницами как *особо тяжелые*, прежде всего, из-за невозможности получить эмоциональную поддержку от родителей: *однажды папа попросил друга подбросить меня к бабушке; по дороге тот заехал к себе домой <...> когда я рассказала родителям, что со мной случилось, они сказали, что я никому не должна об этом рассказывать, иначе опозорю нашу семью... мне тогда было десять лет; когда я была совсем маленькой, незнакомый мужчина в подъезде представился доктором и начал трогать меня <...> я сказала потом маме, а она ничего не сделала, и мне до сих пор больно вспоминать об этом.* Подчеркнем, что тема пережитого сексуального насилия в ходе фокус-групп часто ассоциативно пересекалась с обсуждением селективных абортов как обыденного факта семейной жизни (*мама часто мне рассказывала, как ее подруга избавилась от девочки*),

 https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644

с темой негативного влияния факта рождения девочки на семейные отношения (*мама начала ненавидеть нас с младшей сестрой, когда та родилась – вся папина родня ждала мальчика; папа бросил нас и завел вторую жену, чтобы она родила ему мальчика*).

Представляется, что именно родительская семья становилась для участниц источником первых негативных переживаний из-за факта своей полоролевой принадлежности и формирования собственных мизогинных установок: *с момента моих первых месячных мама говорила мне, что я должна скорее выйти замуж, пыталась убедить, что мне не нужно образование и пора уже задуматься о детях*. Характерно, что одной из доминирующих на фокус-группах стала фраза *ты же девочка*, которая, по словам участниц, сопровождала их жизнь с самого детства: *не сиди так, ты же девочка; пиши аккуратно, ты же девочка* и даже *ты должна есть меньше, ты же девочка – а ешь, как твой брат.* Отсутствие родительской поддержки в случае несоответствия мизогинным ожиданиям близких родственников сопровождалось фактическим табуированием темы телесных и сексуальных проявлений женщины: *когда у меня начались месячные, я испугалась, думала, что умираю, мне про них никто не рассказывал; мама потом сильно ругала меня, сказала, что так себя вести нельзя; лет до тридцати я даже не представляла, что у женщин может быть оргазм, мне об этом никто не говорил; первые месяцы замужества я плакала, потому что боялась заниматься сексом: мне всю жизнь говорили, что это причиняет только боль*. Соответствие подобным полоролевым предписаниям выступает для семьи как *повышение цены* дочери, в результате – лишение девственности до брака воспринимается как *превращение себя в неликвидный товар*, возврат в родительскую семью после развода оказывается невозможен в силу *бракованности*, а необходимость следования обычаю вывешивания простыни после первой брачной ночи доказывает, что у каждой из нас есть цена.

Ведущими чувствами участниц при столкновении с подобными ситуациями являются страх, вина и стыд, а потому неудивительно, что основными стратегиями совладания становятся избегание и дистанцирование (*я стараюсь не провоцировать; я молчу, хотя внутри все сжимается; люди могут говорить, что хотят – делаю вид, что не слышу*), что, однако, может быть проинтерпретировано и как прибегание к стратегии самоконтроля. Так как в значительной степени столкновение с мизогинией происходит в родительской семье, то стратегия поиска социальной поддержки от близких оказывается практически невозможной, а в ряде случаев недоверие распространяется и на более далекий круг коммуникации (*меня не принимают в родной семье, что уж говорить о чужих людях; никто не поймет*). Возможность конфронтации отмечалась достаточно редко и в основном в ситуациях, когда сексуальные домогательства не были направлены лично: *я за себя постоять никогда не могла, но однажды к моей подруге начал приставать парень на улице – и тогда я почувствовала, что надо ее защитить*. Указаний на такие стратегии совладания, как *планирование решения* проблемы, принятие ответственности и позитивная переоценка, в высказываниях участниц не наблюдалось.

Обсуждение результатов второго этапа исследования

Обобщая результаты второго этапа исследования, посвященного преимущественно проверке второй гипотезы, отметим следующее.

1. Тематический анализ проведенных фокус-групп позволяет утверждать, что полоролевая принадлежность респонденток оказывается решающей как для возникновения многих трудных жизненных ситуаций, так и для поиска, а также выбора ресурсов для того, чтобы с ними справиться. Тем самым можно утверждать, что вторая гипотеза исследования была подтверждена. Мы отдаем себе отчет в возможных ограничениях данного вывода, прежде всего, потому что недостаточный временной интервал между этапами исследования (2 недели) мог спровоцировать респонденток на соответствующие суждения в ходе фокус-групп. Однако, представляется, что в основе все-таки лежала более общая объективная ситуация: столкновение традиционных и современных представлений о гендерных ролях происходит, судя по всему, не столько в широком социальном пространстве Ташкента, сколько в более «закрытом», семейном межличностном взаимодействии, что при создании атмосферы доверия и безопасности на фокус-группах могло вызвать «взрывной эффект».

2. Представления респонденток о типично мужских и женских трудных жизненных ситуациях отличает определенная зеркальность: если для женщин смысловое ядро ситуаций, не представляющих трудности, включает в себя, по их мнению, финансовые и карьерные проблемы, то в ядро представлений о типично мужских трудностях они помещают финансовые затруднения и проблемы с поиском работы; если в зону нетипичного и случайного для возникновения жизненных трудностей у женщин попадают вопросы профессиональной самореализации и отношений на работе, то в аналогичном случае для мужчин речь идет о трудностях в межличностных отношениях и самопринятии. Ядро же женских представлений о трудных ситуациях составляют отсылки к физическому и / или сексуальному насилию

со стороны близкого и далекого мужского окружения, что в случае представлений о мужских трудностях превращается в проблемы противостояния психологическому давлению со стороны близких женщин (прежде всего, матери) и входит в зону периферии, т. е. все же имеет возможность измениться.

3. Как и в случае результатов первого этапа исследования, обращает на себя внимание конфликтность представлений участниц о себе: испытывая спектр негативных переживаний, связанных с внешней и внутренней мизогинией (страх, стыд, вина, обида на близких), они тем не менее считают, что именно в силу полоролевой принадлежности избегают многих жизненных трудностей (прежде всего, связанных с материальным обеспечением себя и профессиональной самореализацией) и могут рассчитывать на определенное снисхождение. В этом плане много раз упоминаемое *ты же девочка* становится не только социальным ограничением, но и своеобразным разрешением на ошибки, подтверждая факт возможной амбивалентности гендерных установок [Glick al. 2000].

4. Результаты данного этапа исследования во многом подтверждают отмеченные на первом этапе особенности выбираемых респондентками стратегий совладания с трудностями: доминирование избегания и дистанцирования при более слабой выраженности когнитивно- и эмоционально-ориентированных копингов, а также сложности с реализацией поиска социальной поддержки. Подобное сужение копингового репертуара свидетельствует как о возможном доминировании психологических защит в случае столкновения с трудностями [Hobfoll 2001], так и о влиянии мизогинных установок на социальное поведение [Manne 2019], но в любом случае отражает наличие своеобразной позиции сохранения Я в трудных ситуациях, связанных с полоролевой принадлежностью.

5. Отметим определенную парадоксальность ряда полученных результатов: слабая уверенность в ценности себя как личности (во многом из-за сомнений в праве на выбор активных действий) закономерно заставляет респонденток искать способы ее повышения, но последние видятся преимущественно через получение образования и профессиональную карьеру, что не только не входит в зону изменчивости гендерных представлений, но находится в незначимом сегменте с точки зрения смысла. Менее всего участницы исследования ориентированы на открытый диалог со своим близким и далеким социальным окружением (недоверие выступает в данном случае как еще один способ защиты и усиления Я [Иллуз 2022]), что оставляет открытым вопрос о возможных источниках изменений социально-нормативных гендерных предписаний.

Заключение

Дана эмпирическая операционализация внешней и внутренней мизогинии как гендерного стереотипа. Результаты свидетельствуют о взаимосвязи между параметрами самоотношения и выраженностью мизогинных установок: чем выше уровень уверенности в себе, самопринятия, саморуководства и открытости в коммуникации, тем менее проявляются ощущения своей социальной уязвимости, личностной неполноценности и чувства опасности в ряде жизненных ситуаций, а чем выше уровень внутренней конфликтности представлений о себе и склонности к самообвинению, тем более выражены мизогинные установки. Ведущей характеристикой трудной жизненной ситуации для респонденток остается ее связанность с фактом их полоролевой принадлежности. Структура представлений о типичных трудных ситуациях для женщин оказалась внутренне противоречивой: на уровне ядра доминировали ассоциации о сексуальном и физическом насилии, преимущественно в семье, а на уровне периферии – о характере межличностных отношений в семейной системе. Тематический анализ результатов фокус-групп показал, что возможность использования респондентками различных копинг-стратегий в трудных ситуациях зависит от ограничений, обусловленных мизогинными установками. Сделан вывод о неоднозначной связи выраженности мизогинии как гендерного ауто-стереотипа с особенностями стратегий совладания с трудностями.

Остановимся кратко на ограничениях проведенного исследования, которые видятся нам в следующем:

1. Сочетание количественной и качественной методологии при всех плюсах, состоящих в возможности более детализированного прояснения феноменологии проблемы, ставит отдельной задачей соотнесение полученных результатов.

2. Эмоциональная и ценностная нагруженность темы гендерных установок, особенно в таком крайнем их варианте, мизогинные установки, неизбежно ставит под сомнение достоверность полученных данных.

3. Изучение копинга в его взаимосвязи с представлениями о возможной или реальной гендерной дискриминации, очевидно, должно строиться на возможности кросс-культурного анализа, которой мы в данном случае были лишены в силу организационных причин.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. П. Белинская – концептуализация идеи, формулирование целей и задач, разработка методологии, анализ данных, редактирование текста. Ф. Х. Авазматова – проведение эмпирического исследования, обработка данных, написание текста.

Contribution: E. P. Belinskaya developed the research concept, objectives, and methodology, performed the data analysis, and proofread the manuscript. F. Kh. Avazmatova conducted the empirical research, processed the data using statistical and qualitative methods, and wrote the draft.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00230: Predictors of psychological adaptation in the situation of global digital risks: intergenerational and gender analysis.

Литература / References

Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 334 с. [Bem S. L. *The lenses of gender: Transformation of debate on Sexual inequality*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 334. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qxlmst

Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с. [Bendas T. V. *Gender psychology.* St. Petersburg: Piter, 2006, 431. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zflhkv

Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2007. 256 с. [Bovina I. B. *Social psychology of health and disease*. Moscow: Aspekt Press, 2007, 256. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qxrzdz

Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Лаврешкин Н. В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны. *Социальная психология и общество*. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. [Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Melnikova D. V., Lavreshkin N. V. Studying social representations: an outsider's perspective. *Social Psychology and Society*, 2022, 13(3): 8–25. (In Russ.)] https://doi.org/10.17759/sps.2022130302

Иллуз Е. Почему любовь уходит? Социология негативных отношений. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2022. 352 с. [Illouz E. *The end of love: A sociology of negative relations*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2022, 352. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tstthe

Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 2. С. 88–95. [Kryukova T. L. A man as a subject of coping behavior. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(2): 88–95. (In Russ.)] https://elibrary.ru/inmjah

Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*. 2007. № 3. С. 93–112. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of ways of control (adaptation of a technique of WCQ). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ygcfyx

Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. М.: Эксмо, 2006. 926 с. [Malkina-Pykh I. G. *Gender therapy*. Moscow: Eksmo, 2006, 926. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qlnqlr

Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с. [Pantileev S. R. *Methodology of self-attitude research*. Moscow: Smysl, 1993, 32. (In Russ.)]

Bailey M. *Misogynoir transformed: Black women's digital resistance*. NY: NYU Press, 2021, 248.

Bates L. *Men who hate women: From incels to pickup artists: The truth about extreme misogyny and how it affects us all*. Naperville: Sourcebooks, 2021, 416.

Christopher A. N., Mull M. S. Conservative ideology and ambivalent sexism. *Psychology of Women Quarterly*, 2006, 30(2): 223–230. https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/j.1471-6402.2006.00284.x

Crocker J., Major B. Social stigma-and self-esteem: The self-protective properties of stigma. *Psychological Review*, 1989, 96(4): 608–630. https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.96.4.608

Folkman S. Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis. J*ournal of Personal and Social Psychology*, 1984, 46(4): 839–852. https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.4.839

Gilmore D. *Misogyny: The male malady*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001, 272.

Glick P., Fiske S. T., Mladinic A., Saiz J. L., Abrams D., Masser B., Adetoun B., Osagie J. E., Akande A., Alao A., Annetje B., Willemsen T. M., Chipeta K., Dardenne B., Dijksterhuis A., Wigboldus D., Eckes T., Six-Materna I., Expósito F., Moya M., Foddy M., Kim H.-J., Lameiras M., Sotelo M. J., Mucchi-Faina A., Romani M., Sakalli N., Udegbe B., Yamamoto M., Ui M., Ferreira M. C., López W. L. Beyond prejudice as simple antipathy: Hostile and benevolent sexism across cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79(5): 763–775. https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.79.5.763

Hobfoll S. E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology: An International Review*, 2001, 50(3): 337–421. https://doi.org/10.1111/1464-0597.00062

Jackson S. J., Bailey M., Foucault W. *#HashtagActivism: Networks of race and gender justice*. Cambridge: MIT Press, 2020, 296. https://doi.org/10.7551/mitpress/10858.001.0001

Jane E. A. "Back to the kitchen, cunt": speaking the unspeakable about online misogyny. *Continuum*, 2014, 28(4): 558–570. https://doi.org/10.1080/10304312.2014.924479

Johnson A. G. *The gender knot: unraveling our patriarchal legacy*. 3rd ed. Philadelphia: Temple University Press, 2014, 322.

Maccoby E. E., Jacklin C. N. Gender segregation in childhood. *Advances in Child Development and Behavior*, 1987, 20: 239–287. https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0065-2407(08)60404-8

Manne K. *Down girl: The logic of misogyny*. Ithaca, NY: Oxford University Press, 2019, 368.

Marwick A. E., Caplan R. Drinking male tears: Language, the manosphere, and networked harassment. *Feminist Media Studies*, 2018,18(4): 543–559. https://doi.org/10.1080/14680777.2018.1450568

Unger R. K., Crawford M. Sex and gender: The troubled relationship be-tween sex and gender. *Psychological Science*, 1993, 4(2): 122–124. https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1993.tb00473.x

Viki T. G., Abrams D., Hutchison P. The "true" romantic: Benevolent sexism and paternalistic chivalry. *Sex Roles*, 2003, 49(9-10), 533–537. https://doi.org/10.1023/A:1025888824749

Wessinger C. *Theory of women in religions*. NY: NYU Press, 2020, 232.

Zeinert P., Inie N., Derczynski L. "Annotating Online Misogyny". *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing. Vol. 1: Long Papers*, 1–6 Aug 2021. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2021, 3181–3197. http://dx.doi.org/10.18653/v1/2021.acl-long.247